

Мир перемен

Т.Л. Рудыковская — выпускница Педагогического института. (1915 год. На груди — значок окончания института.)

Татьяна Леонидовна Рудыковская-Григорова (1892—1981), потомственная дворянка, петербурженка, прожила долгую жизнь. В своих воспоминаниях она рассказала о многих интересных событиях и людях. Сегодняшняя публикация — лишь небольшой фрагмент ее мемуаров, относящийся к периоду учебы в Императорском женском педагогическом институте.

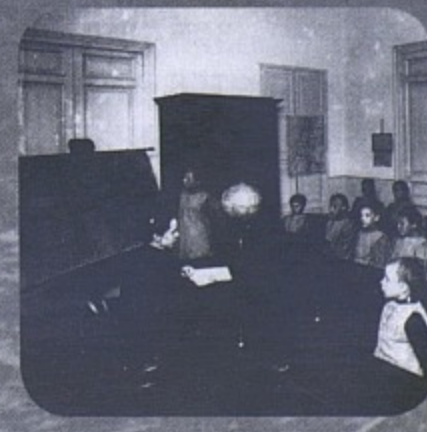
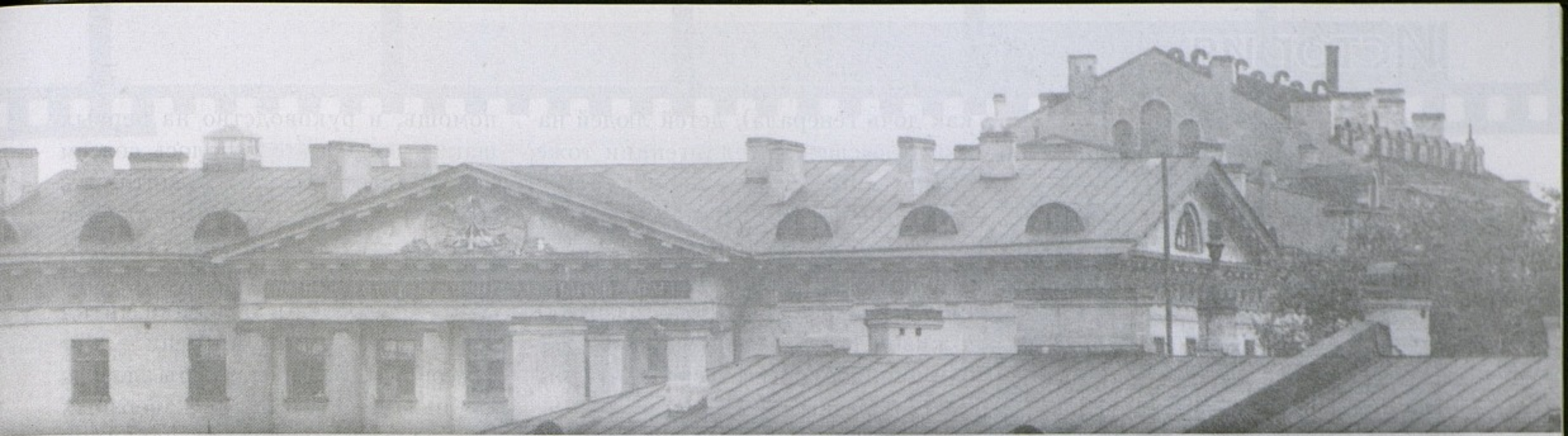
Е.Н. ГРУЗДЕВА,
*бильд-редактор издательства
Герценовского университета*

Среднее образование я получила в частной гимназии Екатерины Ивановны Песковской (двоюродной сестры Владимира Ильича Ленина). Училась я усердно, целевая установка была ясна и тверда — закончить с золотой медалью, чтобы без экзамена поступить в Педагогический институт. Этому я добилась и осенью 1910 года стала студенткой Педагогического института.

Материальных затруднений у нас не было. Маме полагалась после отца пожизненно пенсия в 180 рублей ежемесячно, мне — по 100 рублей до окончания высшего образования. Кроме того, Е.И. Песковская обеспечивала меня на протяжении двух лет репетиторством. Один год — в семье полковника Гуткова, второй — в семье адмирала Тыртова. Титул отца ставил меня с ними на равную ногу, и ко мне относились, как к члену семьи, а оплачивались занятия по 40—50 рублей в месяц.

На первом курсе сдружилась я с двумя дивчинами — Зиной Шендриковской — дочерью морского врача, и Леной Пивоваровой — славной, простодушной и прехорошенькой девушкой. Мы вместе проводили свободное время, ходили в театры, музеи, на прогулки. На вечеринках молодежь всегда крутилась около нас...

Мы часто подшучивали над мальчишками, разыгрывали их, но все это было добродушно и потому весело. Но однажды кончился пир наш бедой. Один юноша, по национальности англичанин, был очень щепетильным и скромным, учился, кажется, в

*А.И. Введенский,
профессор философии*

Пажеском корпусе, а отец был где-то на Волге управляющим имением какого-то графа и очень оберегал сына от жизненных приключений, а мы по какому-то поводу послали ему приветственную телеграмму с подписью «Жена, теща и свояченица». Папаша так перепугался, что забрал его документы и перевел сына на учебу в другой город. Так и сгинул бесследно наш Юрочка Суттон...

Постепенно наша троица как-то разошлась, особенно, когда в конце второго курса я близко сошлась с Катей Королевой. Из остальных сокурсниц можно выделить Елизавету Пушкареву — веселая, скромная, она была очень приятным человеком, впоследствии вышла замуж за известного путешественника Козлова и с ним вместе путешествовала по Средней Азии. Старше курсом училась в институте сестра поэта Александра Блока, поэтому он часто выступал на наших вечерах, но Аня была так скромна и незаметна, что немногие знали, что она сестра любимого поэта.

Обычно мировоззрение молодежи формируется в студенческие годы; там различные кружки, землячества, собрания, сталкиваются люди разных социальных условий, а наш Императорский высший женский педагогический институт был скорее закрытым учебным заведением. Попасть туда было не так просто, процент титулованных был основным (я сама принадлежала к числу «Ваше превосходительство»,

как дочь генерала), детей людей науки и высшей интеллигенции тоже <было много>, на нашем курсе я знала только одну Клавю Сергееву, считавшуюся «из простых». Слушая рассказы своих школьных друзей (Саша Лазаренко и Шура Родзивил) о жизни Бестужевских курсов, где они учились, я чувствовала, что мы идем по разным руслуам.

Даже допуск приглашаемых на наши <институтские> вечера проходил цензуру администрации. Кружки были только предметного характера, хотя профессора приглашали нас к себе домой на вечеринки. Я была на вечеринке у профессора Петрова, который вел литературу. Была на елке у профессора Шляпкина (милейшего профессора и интересного лектора), где он нас вырядил в различные ста-

*Ю.Э. Озаровский,
преподаватель художественного слова*

ринные уборы. На память осталась фотокарточка. Посещала раза два журфиксы у директора института — профессора Сергея Федоровича Платонова...

В годы студенчества близко соприкоснулась с артистом Александринского театра Юрием Эрастовичем Озаровским, который преподавал у нас в институте сценическую речь и «ставил» нам голос для преподавательской деятельности. На всю жизнь осталась у меня «громкость» голоса, хотя мне кажется, что я говорю совершенно нормально и тихо. Юрий Эрастович долго убеждал меня переменить педагогическую будущность на театральную, обещал и свою

помощь, и руководство на первых шагах, но мне это казалось совсем несерьезным, никаких талантов я в себе не находила, хотя очень любила участвовать в любительских спектаклях и часто играла в молодости.

По философии и логике читал лекции светило того времени — профессор А.И. Введенский. Мы здорово боялись его насмешек и каверзных вопросов, которыми он наглядно доказывал нам, что ни философские рассуждения, ни логические выводы нам не по уму. На экзамене я сидела на первой парте, как говорится, ни жива ни мертва, но с независимым видом и довольным выражением лица, для видимости. Когда раздался голос Александра Ивановича «Мадемуазель Рудыковская, Вы можете уйти из аудитории, я Вас уже оценил», то я чуть не сделала ему «книксен», но скромно сказала: «Благодарю, профессор», медленно направилась к выходу, а уж в коридоре вытанцовывала пируэты от радости.

Институтские годы укрепили во мне любовь к путешествиям. Ежегодно в летние каникулы «отличников учебы» возили в разные места за счет нашего шефа — великого князя Константина Константиновича. Так я попала на Урал — в Ильменский заповедник, по Днепру — по дороге «из варяг в греки», и в заграничный круиз. Наибольшее впечатление оставило во мне путешествие по Днепру. Мы спускались через Неясицкие пороги (тогда существовавшие) на особых широких больших лодках,

*И.А. Шляпкин,
профессор русской литературы*

На вечере у профессора И.А. Шляпкина
(вторая слева — Т. Рудыковская.)

называемых «дубы». За рулевым веслом стояли эффектные чубатые казаки. В Днепропетровске (тогда Екатеринослав) посетили Брянские заводы, где доменная печь оставила мне у плеча след ожога... Наш приезд в Днепропетровск сопровождался по недоразумению большой помпой. Ехало нас на пароходе не меньше 50 человек, кроме студенток ехал административно-педагогический и даже обслуживающий персонал. А великий князь послал кому-то в город телеграмму: «Едут мои», подпись «в. кн. Константин». Городское начальство поняло это как встречу семьи великого князя, и когда пароход подходил к пристани, то играли два духовых оркестра, были выстроены войска, полиция, городское начальство — при лентах и орденах. Словом, мы с интересом и изумлением смотрели на все эти приготовления, не понимая, кого же это встречают на нашем пароходе? В связи с этим заявлением нам не было запрета куда бы ни пожелали идти и что-либо

смотреть. Но оберегали от всяких возможных неприятностей.

Поездка за границу была, несомненно, интересной, но оставила в памяти какие-то отрывочные воспоминания, хотя это был, наверное, уже 1913 год. Конечно, мы не осмотрели многого, проехали, как говорится, «галопом по Европам»: Одесса — Константинополь — Афины — Неаполь — Рим — Генуя — Париж — Берлин — Варшава, но все же большое спасибо тем, кто организовал эту поездку и финансировал ее — мы, студентки, внесли только по 100 рублей; имея готовый проезд, отдых, питание и развлечения на протяжении почти месяца.

В Италии был и комический момент: я большая любительница макарон, а итальянцы, как известно, тоже. На улицах стоят ящики на колесах, как до революции у нас ездили мороженщики. Это продавцы макарон. Мы подошли и попросили отпустить нам макарон. И опешили от изумления, когда он спросил: «Сколько

метров, синьорина?» Оказывается, макаронина, как нити на катушку, намотана на вращающийся барабан и, поворачивая ручку, он обмакивает макаронину в соус и отмеряет количество по метражу...

Война 1914—1915 годов как-то мало захватила нас. Военные действия разворачивались далеко. Жизнь города как бы не нарушалась. Следили за газетами, восхищались подвигами Кузьмы Крючкова — лихого казака, с тревогой просматривали списки раненых и погибших, публикуемые в печати.

В Зимнем дворце была организована императрицей Александрой Федоровной пошивочная мастерская белья для раненых, где дамы светского общества собирались на эту работу. Некоторых из них сопровождали домашние портнихи... Я тоже попробовала походить туда, но скоро убедилась, что там больше приятного собеседования, чем настоящего дела, которое выполнялось в отдалении от беседующих. Кроме того, со мной

произошел случай, отбивший у меня охоту бывать там. Со швейной машинкой, как орудием производства, я сама совсем не умела обращаться и могла шить только по прямой линии шов — поэтому сшивала главным образом «ноги кальсон». Когда у меня как-то застопорилось дело, ко мне подошел руководящий нашего зала барон Штакельберг — шталмейстер высочайшего двора, — горящий желанием помочь моему замешательству. Он вызвал лакея и приказал ему привести механика, а меня просил не волноваться и не беспокоиться, «так как вполне естественно, что я не разбираюсь в этом», «я сам тоже», — очень вежливо добавил он. А когда пришел «разбирающийся в этом деле» человек (а там был какой-то пустяк, вроде нитка запуталась), он с таким полупрезрительным укором или сожалением посмотрел на меня, что мне до боли стало стыдно, и я решила прекратить хождение на эту работу.

В помещении нашего педагогического института открылся лазарет для солдат, и я, прослушав какой-то краткосрочный курс, поступила на добровольных началах милосердной сестрой в него. Старший врач, хирург Григорий Иосифович Йовович, вскоре перевел меня «за выдержку» в хирургическое отделение. Здесь я насмотрелась и на страдания солдат, и на их стойкость. Перевязки и операции делали без особых нежностей — это был солдатский госпиталь! Помню, как вынимали 22 осколка стекла из лица красавца-молдаванина Никоца, полученные им при разрыве снаряда. Тогда были такие бомбы, начиненные стеклом. Пришлось Никоце вынуть и правый глаз... и он молчал и улыбался. «О чем ты думал, Никоца, что так спокойно и радостно улыбался?» — спросила его я после операции. — «О том, сестрица, что теперь я уже отвоевался. Буду дома, а без глаза жить можно!» ... Сколько писем, фото осталось у меня от этого периода. Кто из раненых поправлялся и уезжал на фронт, получал от медсестер крестик на счастье и считался крестником — это было «модно». Многие из них писали с фронта и даже попадали к нам вторично. Вот эта близость к солдатам, их рассказы о том, что делалось на фронте и в деревне, открывали мне глаза на многое. Это был для меня новый мир, незнакомый круг мечтаний и надежд.

Все тревожнее ползли слухи о придворном засилье немцев, о роли царицы — двоюродной сестры императора Вильгельма, о выходках Распутина. И как мне было понятно враждебное отношение солдат к императрице Марии Федоровне, которая приехала в наш госпиталь в сопровождении греческой королевы Ольги Константиновны милостиво раздавать копеечные крестики, не умея сказать по-русски другого слова, как то, что «руськи зольдат» должен хорошо воевать. Некоторые из раненых так демонстративно враждебно или с презрительной усмешкой держали себя, даже отказывались принимать царское благоволение, что мне пришлось скорее увести «их

Мне было понятно враждебное отношение солдат к императрице Марии Федоровне, которая не умела сказать по-русски другого слова, как то, что «руськи зольдат» должен хорошо воевать.

величества» из палаты во избежание возможных эксцессов. Солдаты были возмущены: «Русская царица не умеет говорить по-русски!» Я выслушивала вопросы на французском или немецком языках, отвечала по-французски. Ольга Константиновна — русская великая княгиня — обращалась к раненым по-русски, но иностранный язык, тем более немецкий, бил их по нервам. Чувствовалось, как падает авторитет и уважение к царской фамилии. Чего только я не наслушалась от раненых после этого высочайшего посещения.

Аттестат об окончании Педагогического института я получила 12 февраля 1915 года, а до весны надо было написать дипломную работу и сдать

госэкзамены. Темой дипломной работы был критический разбор древнего исторического документа «Временник дьяка Ивана Тимофеева». Работу я писала под руководством С.Ф. Платонова и, оказывается, открыла какую-то историческую деталь. Профессор остался доволен, подарил мне с автографом свою работу «Царь Алексей Михайлович». Заниматься у него было очень интересно.

В числе государственных экзаменов, которые надо было держать в мае при Университете, следовало сдать латынь, которую я не знала, и потому на последнем курсе занималась с преподавателем Мурзиным, находящимся на пенсии и жившим в Коломягах. В мае я получила диплом I степени, как теперь говорят, «с отличием», и сразу же сдала документы в Министерство просвещения на Чернышевой площади, так как место работы мне было уже обеспечено — в гимназии Екатерины Ивановны Песковской. (В Министерстве документы, кажется, сгорели в революцию. Мне из архива позднее выдали справку, на основании которой я и проработала весь свой учительский путь.)

Настроенность всей страны была тревожной. Обывательская масса никак не могла уяснить причины наших отступлений, потерь, неудач после первоначального быстрого и удачного наступления. Высшие военачальники спорили, обвиняли друг друга, кадровое офицерство наполовину выбыло из строя, дисциплина расхлябалась, участились случаи дезертирства. Все шумели, волновались, словно чего-то ожидая.

А 1917 год высыпал на наш головы столько событий, что не было сил разобраться. Февральская революция... Государственная дума, речи Родзянко, Пуришкевича, кн. Львова, мартовское отречение от престола Николая II, когда поезд царский безрезультатно сновал между Петроградом и Царским Селом. Волнения — кто будет на престоле?.. Возникло много разных политических секций — социал-революционеры, социал-демократы, кадеты, марксисты и т.д. Каждый считал свою партию самой правильной, пропаганда через газеты и собрания шла во всю силу.

Стараясь разобраться во всем этом хаосе, я посещала собрания всех видов...

Как-то в конце мая 1917 года получила я приглашение от Екатерины

Т. Рудыковская — медсестра в лазарете Педагогического института.

Ивановны Песковской зайти к ним, так как будет обсуждение вопроса «О равноправии женщины». В этот вечер собрались Мария Ильинична Ульянова, Елизаровы, Е. Дм. Стасова, еще кто-то — точно не помню, кажется, жена Зиновьева — Лилина. Уже в прихожей были слышны взрывы смеха, значит там Марк Тимофеевич Елизаров рассказывал что-то. Он был изобретательным рассказчиком, исключительно передавал народные сказки, особенно о животных... Когда перешли к обсуждению вопроса, явившегося причиной этого собрания, — шум не прекращался. Спорили о положении и правах женщин, об их месте в жизни общественной и семейной. И вдруг, неожиданно для меня, раздался голос Владимира Ильича Ленина: «Эх! Женщины, женщины, если бы вы только осознали свою силу!» В голосе его прозвучал не то упрек, не то сожаление. Оказывается, что он все время сидел в угловом фойе, в кресле-качалке, скрытый зеленью фикусов и других зимних растений, заполнявших этот крытый балкон (это было излюбленное

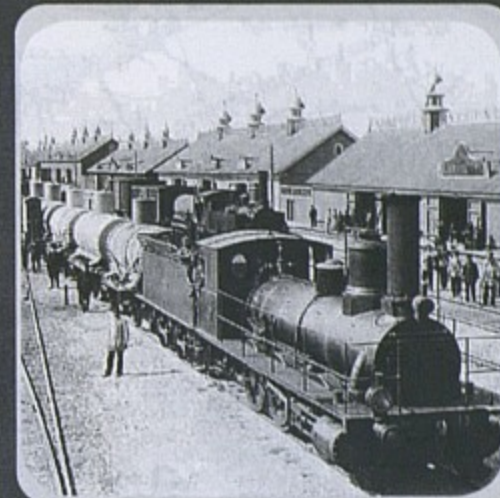
местечко Ленина, когда он бывал у Песковских).

Уже в конце вечера Владимир Ильич как-то мимоходом спросил меня, давно ли я в партии? И так же тихонько я выпалила в ответ, что никогда ни в какой партии не состояла, не состою и не буду состоять, так как не хочу, чтобы меня когда-нибудь упрекнули, что я партийным билетом прикрываю свое генеральское происхождение, но всей своей деятельностью докажу, что родину можно любить и без билета. Формулировку точную, конечно, не помню, но смысл ответа был таков. Зато я накрепко запомнила несколько удивленно приподнятые брови и лукавый блеск прищуренных глаз, которым окинул меня Владимир Ильич вместо ответа... Больше мне не пришлось встретиться с Лениным, я слышала только его выступление у дворца Кшесинской.

Политическое «прояснение» шло медленно, и я в основном углублялась в свою педагогическую работу, где мне были совершенно ясны и цели, и пути...

*На долгую
память
независимой
Светлицы
Т. А. Р. от
С. Валлика
желая вам
справа и выз-
да 1918 г. 17 ма*

*Антон
Незруче
сестры
№ 6 Панько*

При подготовке публикации использованы материалы Музея истории РГПУ им. А.И. Герцена